

Тибетский вопрос в англо-русских отношениях (1903 – 1907 гг.)

Научный руководитель – Гайда Фёдор Александрович

Тимошина Анастасия Ивановна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России XIX – начала XX века, Москва, Россия

E-mail: ntimoshinina@mail.ru

В исторической науке принято считать, что Тибет (наряду с Персией и Афганистаном) является частью «Большой игры» — противостояния Великобритании и России в Центральной Азии. Однако нам кажется, что такая формулировка неверно отражает действительность.

Во-первых, возникает вопрос относительно географических рамок этого противостояния. В английском языке под Центральной Азией подразумевается «центральный регион Азии, простирающийся от Каспийского моря на западе до границы Западного Китая на востоке. На севере граничит с Россией, а на юге — с Ираном, Афганистаном и Китаем. Регион включает в себя бывшие советские республики: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан» [6]. То есть в русском языке это описание соответствует границам Средней Азии. Соответственно, изначально термин «Большая игра» подразумевал собой противостояние Великобритании и России к западу от Индии. Исходя из этого Питер Хопкирк в своей работе «Большая игра против России: азиатский синдром» дает следующие географические рамки англо-русского противостояния: «<... > от снежных пиков Кавказа на Западе через бескрайние пустыни и горные массивы Центральной Азии до китайского Туркестана и Тибета на Востоке» [2, с. 9]. Как мы видим, Тибет не вписывается в эти географические рамки.

Во-вторых, следует отметить, что со временем термин «Большая игра» претерпел ряд изменений. В течение второй половины XIX века его географические рамки постоянно расширялись. Связано это с расширением территориальной экспансии России на Восток [2, с. 250]. Нам представляется, что «Большая игра» стала обозначать состояние перманентной борьбы между Великобританией и Россией за господство над граничащими с Британской Индией территориями. Эта борьба стала чаще рассматриваться в романтическом ключе (роман Р. Киплинга «Ким»). В этом случае Тибет можно рассматривать как одну из территорий, где столкнулись интересы Великобритании и России, потому что Тибет подходит под определение «территории, граничащей с Британской Индией».

В-третьих, если отталкиваться от последнего тезиса, то логичен будет вывод, что природа англо-русских противостояний в Тибете, Персии и Афганистане будет одинаковой. Однако это не так. Если в Персии и Афганистане мы видим непосредственное столкновение военных, политических, и экономических интересов Великих держав, то относительно Тибета нельзя быть столь уверенным.

«Экспансионистская политика» Великобритании, как ее часто называют в русской историографии, в отношении Тибета в начале XX века была закономерным продолжением политики по установлению дипломатических отношений между правительствами Тибета и Британской Индии с XVII века. Активные действия вице-короля Индии лорда Дж. Н. Керзона (1899-1905 гг.) в отношении Тибета были связаны с ослаблением положения Великобритании в районах, где проводилась колониальная политика (например, Афганистан, Сикким) [5, с. 141]. Использование тезиса о русской угрозе в Тибете стало удобным поводом для Дж. Н. Керзона, чтобы подтвердить необходимость отправки военной миссии

в Тибет. Таким образом, активизация политики Великобритании в отношении Тибета в начале XX века не была спровоцирована «Большой игрой».

Что касается Российской империи, то ее интерес к Тибету не был так ярко выражен. У России не было непосредственных стратегических интересов в Тибете, а торговля не была столь активной [3, с. 18]. В отечественной историографии (Т.Л. Шаумян, Н.С. Кулешов, А.И. Андреев) можно встретить тезис о том, что Российская империя была заинтересована в установлении русско-тибетских отношений, поскольку на ее территории проживало большое количество бурят и калмыков, исповедующих тибетский буддизм (около 360 тыс. человек). Однако, согласно Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, это число составляет около 0,3% от всего населения страны. Таким образом, нельзя говорить о том, что религиозный фактор был главным стимулом развития русско-тибетских отношений.

Нам представляется, что русско-тибетские отношения были следствием развития русско-монгольских отношений. Торговля между Россией и Тибетом велась по маршруту, проходящему через Монголию. Именно через Монголию в Тибет шли бурятские паломники и члены Русского Географического Общества. Тибетолог Ч. А. Белл отмечал, что тибетское правительство было уверено в том, что Тибет и Монголия связаны между собой сильным взаимопроникаем, если не реальным союзом [4, с. 32].

Таким образом, установление русско-тибетских отношений не было следствием англо-русского соперничества. Н.С. Кулешов, ссылаясь на историков КНР Лю Гуаньи и Хуан Фэньшена, которые считают, что инициатива включения России в сферу тибетских проблем исходила от тибетцев [1, с. 40]. Именно поэтому мы видим, что российская сторона проявляла сдержанность по отношению к посольствам Агвана Доржиева в начале XX века и не принимала активного участия в решении тибетского вопроса в период с 1903 по 1907 гг.

Подводя итог всей работе, мы утверждаем, что Тибет не является частью «Большой игры», поскольку он не вписывается ни в географические рамки противостояния, ни в саму ее суть. В связи с этим актуально будет посмотреть на тибетский вопрос не с точки зрения «Большой игры», а с точки зрения англо-российских отношений в Китае.

Источники и литература

- 1) Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992.
- 2) Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004.
- 3) Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М., 2017.
- 4) Bell Ch. Tibet: Past and Present. Oxf., 1924.
- 5) Mehra P. L. The Younghusband expedition: and Interpretation. Asia Publishing House, 1969.
- 6) <https://www.britannica.com/place/Central-Asia>